

11. Федотов Г.П. Сталинокрапия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 83–97.
12. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 3–14.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. — Л.: ЭГО, 1991. — Т. 2. — Ч. 2. — 269 с.
14. Федотов Г.П. Социальное значение христианства // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. — С. 50–78.
15. Федотов Г.П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 188–205.
16. Федотов Г.П. Русская религиозность Ч. 1. Христианство Киевской Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. — М., 2001. — Т. 10. — 382 с.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2001. — 608 с.
18. Федотов Г.П. Культурные сдвиги // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 98–102.
19. Федотов Г.П. Тяжба о России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 103–121.
20. Федотов Г.П. Пушкин и освобождение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 129–132.
21. Федотов Г.П. О гуманизме Пушкина // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 328–332.
22. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 141–162.
23. Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 233–252.
24. Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 304–326.
25. Федотов Г.П. Защита России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 122–125.
26. Федотов Г.П. Новый идол // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 50–65.
27. Федотов Г.П. Федерация и Россия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. — СПб.: София, 1991. — Т. 2. — С. 228–232.

УДК 9(С)17–03

УТЕРЯННЫЙ ШАНС РОССИИ?

А.В. Луценко

Северский государственный технологический институт
E-mail: kon@ssti.ru

Рассматривается эволюция российской либеральной идеологии конца XX века, оценивается историческая связь реформ 1990-х гг. с вестернизационной парадигмой русского освободительного движения второй половины XIX века, отслеживаются марксистские «корни» процесса вестернизации Российской империи, излагается позиция самого К. Маркса по вопросам о модернизации российской экономики и о роли общины в развитии страны.

Состояние российского общества в конце XX века можно охарактеризовать как чрезвычайно противоречивое. Своеобразие ситуации определялось двумя моментами:

1. С одной стороны, настойчиво декларировался отказ от идеологического обеспечения проводимых реформ, и это объяснялось застарелой идиосинкразией населения ко всему, что ассоциировалось с тоталитарным политическим режимом и авторитарным вмешательством государства во все сферы общественной жизни. Апологетов либерализации социальных институтов вся страна узнала в лицо и могла перечислить поименно, а их позиция была встречена на многотысячных митингах всеобщим ликованием, которое трактовалось как «упоение свободой», «праздник свободы мысли и

слова, свободы выбора и действия». Во главе этого праздника стояли ученые, писатели, инженеры, экономисты, журналисты, адвокаты, артисты, — словом, вся интеллектуальная элита, которая горячо и аргументированно клеймила советский строй и марксизм как человеконенавистнические явления. Любая идеология воспринималась как средство давления на общественное сознание, как зло, с которым больше не хотели мириться.

2. С другой стороны, на фоне этого «упоения свободой» и заявленного отказа от идеологической заданности хронически обнаруживали себя в реальной жизни объективно фиксируемые признаки того, что принято считать идеологией со всеми ее понятийными параметрами. Доктор философских наук Акоп Назаретян отмечал любопытное обстоя-

тельство: в перестроечный период вроде бы потерялся всякий смысл та «ментальная схема», которая была выработана коллективным сознанием за советский период. Однако в 1990-е годы оказалось, что «все ее ячейки наполняются новым содержанием. Классовое “они – мы” заменяется на национальное; светлое будущее коммунистическое – на светлое будущее капиталистическое: последнее усилие – и начнется процветание; раньше как страшное воспринималось прошлое царской России, теперь – коммунистическое прошлое. Все ячейки в стереотипном мышлении быстро заполняются новым содержанием, при том что схема остается прежней» [1]. Кроме того, наряду с требованиями либерализации всех сторон общественной жизни естественным образом и ненавязчиво вписалась в общую схему декларируемых либеральных перемен концепция свободной экономической конкуренции, возможной лишь в условиях капиталистических отношений, механизм которых многим казался чрезвычайно простым: отдать фабрики, заводы, торговые и сервисные предприятия и т.д. трудовым коллективам. Но чтобы не оказалось обделенных, «чтобы как-то учесть интересы всех военных, учителей, чиновников, средства труда которых исключались из дележки, и была придумана “народная приватизация”» [2] с именными чеками, которые гарантировали гражданам достойный уровень жизненных благ. Задуманная реформа преподносилась как панацея. В начале ее предусматривалась оценка имущества всего хозяйственного комплекса страны, а последовательность мероприятий, предполагавших «народную приватизацию», была изложена в программе Г.А. Явлинского «500 дней». Джордж Сорос, ознакомившись с этой программой, заявил, «что для страны это единственный путь спасения, а о Явлинском сказал: “Он так же гениален, как я”» [3]. Были и другие программы реформирования российской экономики, в процессе реализации которых общая, понимаемая как «ничья», собственность обрела бы своих законных владельцев. Граждане огромной страны терпеливо внимали речам реформаторов, мало понимая, чем отличалась приватизация «по Явлинскому» от приватизации «по Гайдару», «по Чубайсу», но возлагали свои надежды на компетентность и порядочность реформаторов.

Общество, убаюканное обещаниями светлого капиталистического будущего, наивно верило в то, что в стране с колоссальными материальными, природными и человеческими ресурсами жить хуже, чем жили, – невозможно, поэтому с пассивным недоумением взирало на скоротечное исчезновение как стабильности и порядка, так и гарантий того, что мелькавшие, словно в калейдоскопе, перемены будут позитивны для всех. «Упоение свободой» кончилось, когда граждане СССР обнаружили, что их государство, падая в небытие, обрушило за собой привычный жизненный уклад. Перестройка завершилась «шоковой терапией» и сме-

ной господ, когда А.Б. Чубайс «добился замены именных приватизационных чеков ваучерами, которые можно продавать и покупать» [2]. Если именные приватизационные чеки давали каждому – от мала до велика – право на равную долю совокупной прибыли от всех отраслей государственного хозяйства, то ваучер изначально представлял собой для экономически полуграмотного населения нечто вроде фишки в казино, где шанс – «повезет – не повезет», «будешь иметь – не будешь иметь» – составлял пятьдесят на пятьдесят, а в условиях замораживания вкладов, невыплат зарплат и нараставших инфляции и безработицы реально уменьшался до нуля еще и потому, что «под ваучеры народу выделили собственности на 150 млрд рублей в ценах 1991 г., а распределили не более десяти процентов. Остальное БЕСПЛАТНО взяли себе, в холдинги» [4]. Именно в государственные холдинги передавались контрольные пакеты акций полуприватизированных предприятий [4], и в России в одночасье возникли супербогатые люди, в основном из числа тех, кто близко стоял к руководству страны. Находили себе доходные места также и «бывшие» во власти. Так, в марте 1993 г. Ельцин подписал указ о создании Госинкора – государственной корпорации, которая, помимо продажи стратегического сырья, занималась еще и страхованием инвестиций от «политических» рисков. Госинкор безвозмездно получил здание в центре Москвы, 200 млрд рублей и 50 млн долларов в уставной фонд и 1 млрд долларов – в залоговый фонд. Возглавил Госинкор бывший руководитель администрации Ельцина Юрий Петров [4]. Примерно на таких же условиях были открыты Российская финансовая корпорация во главе с бывшим министром экономики РФ А. Нечаевым, фирма «ТИРОСС» (Технологии и инвестиции в России), которую возглавил бывший министр промышленности А. Титкин, фонд «Интерприватизация» под руководством В. Щербакова – бывшего вице-премьера последнего правительства СССР. Богатые фонды открылись также и в Госимуществе, и в Институте Гайдара, и т.д., и т.д. [4]. Народная молва справедливо нарекла этот процесс «прихватизацией». Пришедшие во власть реформаторы под видом «народной приватизации» назначали друг друга капиталистами и, отрешиваясь от марксистской идеологии, объявляли себя преемниками идей русского либерализма конца XIX – начала XX века.

Однако, если окунуться в историю России того периода, то обнаружится парадоксальная ситуация: либералы царской России, плененные успехами процветающей Европы, нашли идеологическое соответствие своим устремлениям... на страницах «Капитала». Они так и писали тогда: «Марксизму удалось теоретически обосновать необходимость <...> конституционного строя» и исследовать механизмы перехода «к современному меновому индустриальному денежному хозяйству» [5]. И либералы, и социал-демократы России определяли марк-

сизм как «свою» программную идеологию и сотрудничали вплоть до II съезда РСДРП. Их объединяло «общее дело», понимаемое как подготовка общественного мнения к неизбежности широкой капитализации «дикой» и «лапотной» Руси: без обезземеливания крестьян не бывать в России свободному капиталистическому строю (что важно для либеральной буржуазии), не бывать и могучему рабочему классу — могильщику эксплуататоров (что было в интересах социал-демократов). Толчком к развитию светлого будущего русские либерал-социал-демократы называли переход «от натурального, преимущественно земледельческого, быта» [5] к индустриальному хозяйству, «уничтожение старой, прогнившей общины» [6], этого «средневекового хлама» [7], т.е. и те, и другие начало осуществления своих программ связывали с экспроприацией коллективной собственности крестьян России.

То, что процесс отрешения от средств производства и превращения в наемных рабочих может коснуться 85 % населения страны и привести к непредсказуемым последствиям, в тот период русские теоретики-реформаторы просто не брали в расчет. Да и позже анализ причин революции, гражданской войны и 70-летнего существования тоталитарного строя, мало похожего на социалистический, не включал в себя массовую экспроприацию крестьян в качестве главной причины катастрофы, постигшей страну. Может быть, поэтому реформаторы 1990-х гг. так безбоязненно решили повторить исторический опыт и провести новую экспроприацию всего населения страны в ускоренном — «шоковом» — темпе.

Однако к катастрофическим событиям в России Маркс никакого отношения не имел. Мало того, он не считал возможным использовать теоретические положения «Капитала» в российской практике. Это мнение возникло у Маркса в 1877 г. и укреплялось в последующие годы благодаря «специальным изысканиям». Предварительно выучив русский язык, он на протяжении 8 лет целенаправленно исследовал экономические и исторические условия России по первоисточникам. Казалось бы, для получения представлений достаточно было ознакомиться с сообщениями о состоянии финансов и сельского хозяйства в стране, составленными Н.Ф. Данилевским, русским экономистом, тем более что эти сообщения базировались на сопоставлении официальной статистики и земских сведений. Но Маркс хотел иметь объемное представление о хозяйственной структуре страны, поэтому параллельно проанализировал еще и выводы IV выпуска «Военно-статистического сборника», изданного русским Генеральным штабом, проштудировал 10 томов «Трудов податной комиссии» и «Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам». Помимо этого, Маркс с большим вниманием отнесся к монографиям и научным исследованиям видных русских экономистов XIX в. В процессе разработки указанной тематики

Маркс обращался также и к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, и к «Историческим монографиям и исследованиям» Н.И. Костомарова, и к произведениям Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Подробно, делая пометки и выписки, Маркс исследовал труды ученых — Семева «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», Исаева «Артели в России», Воронцова «Судьба капитализма в России», Скребицкого «Крестьянское дело и царствование Александра II», Головачева «Десять лет реформы. 1861—1871», Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», Скалдина «В захолустье и столице», Гакстгаузена «Сельское устройство России», Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762», Каблукова «Очерк хозяйства частных землевладельцев», Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» [8]. Словом, Маркс всесторонне изучал проблемную тему России. Литературы о социально-экономическом положении этой страны у Маркса было много: он ее выделил особо, назвав «Russishes in my bookshelf» («Русское на моей книжной полке») [8]. Не удовлетворившись изучением книг с этой полки, он уточнял полученную информацию во время личных встреч с П.Л. Лавровым, Даниельсоном, Ковалевским, Утиным, Гартманом, Морозовым, Гиршем и другими, вел активную переписку со многими из них, в том числе и с В.В. Берви-Флеровским, который отбывал ссылку в сибирском Томске и книгу которого «Положение рабочего класса в России» немецкий ученый высоко оценил, поставив ее в один ряд с таким же исследованием Ф. Энгельса об участии английского пролетариата [9]. Осмысление двухтомного труда А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», равно как и всех перечисленных выше работ, шло через сопоставление с данными западноевропейских ученых. Анализ исследований Г.П. Маурера, Г. Хансена, Ф. Демелича, О. Утешновича, Ст. Янчини, Дж. Мани, Дж. Фира, У. Карлтона, Г. Мейна, Ф. Карденаса, Л. Кремаза, посвященных изучению земледельческой общины в странах Европы и в Индии, потребовал расширения знаний по всемирной истории, и Маркс для получения информации о роли крестьянской общины в истории народов всего европейского континента, о причинах и условиях уничтожения ее в ходе разложения феодализма воспользовался фактическим материалом, какой нашел в 18-томной «Всемирной истории» Шлоссера, в «Истории России» Келли, в «Истории России и Петра Великого» Сегюра, в работах Ботта, Коббета и других известных западноевропейских историков [8]. Результатом изучения и сравнительного анализа событий общеевропейского масштаба за период с I в. до н.э. по XVII в. н.э. было появление четырех тетрадей «Хронологических выписок» Маркса объемом около 105 печатных листов [8].

Исторические данные укрепили ученого в мысли о том, что земельные общины — обладательницы коллективной земельной собственности — не были причиной отсталости стран и погибали не потому, что изжили себя, не в результате капитуляции перед натиском прогрессивных перемен: все они умирали «насильственной смертью» [10] из-за внешних и внутренних войн или так, как это было в Ост-Индии, где «уничтожение общинной собственности на землю было лишь актом английского вандализма, толкавшим туземный народ не вперед, а назад» [10] — к необратимой социальной и физиологической деградации. Степень этой деградации напрямую зависела от скорости и масштабов разрушений: чем больше населения было охвачено общинным порядком и чем скоростнее оно подвергалось губительному воздействию, тем трагичнее для всей нации оказывались последствия, вплоть до исчезновения ее с лица Земли.

Русские либерал-социал-демократы, рассчитывая на развитие своего отечества по западноевропейскому образцу, не учли этого обстоятельства, хотя Маркс трижды писал русским: его доктриной, изложенной в «Капитале», не следует пользоваться как «универсальной отмычкой» [11], ибо результат экспроприации крестьян зависит не от правильности выбора теории, а от исторических условий [11]; общинная собственность на землю служит основой не отсталости, а возрождения России [12, 11]. России не нужен западный путь, иначе «она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу» [11]. Более подробное разъяснение этих позиций Маркса сохранилось в черновых набросках ответного письма Вере Засулич [10], где Маркс акцентировал внимание на исторических особенностях России. Если сравнивать ее с западноевропейскими государствами, то «в Западной Европе смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам» [10]. Разорение крестьянства носило поэтапный характер. К тому же массовая экспроприация землевладельцев пришла на время урбанизации Европы, когда ряды крестьянства уже поредели настолько, что их интересами правители могли без опаски пренебречь. И все же, несмотря на столь смягченный вариант, период экономической ломки тем не менее остался в исторической памяти европейцев как время тяжелейшего испытания: капиталистический способ производства утвердился на бедственном положении тысяч разоренных земледельцев, познавших муки безработицы, нищеты, голода и моральной деградации. В России же в аналогичной ситуации могут оказаться не тысячи, а десятки миллионов людей, потому что к крестьянскому сословию, которое русские реформаторы за-

теяли экспроприировать, относится 85 % населения. Опасность разрушительных последствий в этом случае многократно увеличивается, и эту страну ожидает катастрофа невиданных масштабов. Когда реформаторы XIX в. объявляют, что они хотят осчастливить свой народ, который «по дикости» не понимает ни своей выгоды, ни того, что искоренить устаревшие «азиатские формы» экономики и «сократить агонию» «дряхлой» общины является «добрым делом», как будто речь идет «просто-напросто о враге, которого надо сокрушить» [10], то на самом деле, по мнению Маркса, «русское правительство и новые “столпы общества”, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе» [10], как кровавая революция, наподобие бессмысленного и беспощадного бунта, сокрушающего все и всех на своем пути. Недаром же Карл Маркс при чтении «Исторических монографий и исследований» Н.И. Костомарова особое внимание уделил восстанию Степана Разина, составив комментированные выписки об этом событии российской истории [8].

Русские реформаторы, настроенные на капитализацию страны, решили все за всех без учета мнения главного кормильца России. Не учитывали они и того, что не всякая экспроприация земледельцев приведет к торжеству капиталистического строя. Маркс напоминал о судьбе плебеев Древнего Рима: «в ходе римской истории» одни крестьяне лишились всего, «кроме своей рабочей силы», а другие стали владельцами «всех приобретенных богатств». Но «римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной чернью <...>, развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства» [10]. Как и почему это произошло, позднее проанализировал ученик Маркса Карл Каутский в своем исследовании «Происхождение христианства». Ученый-историк писал, что начало античного экономического процесса, действительно, поражает своим внешним сходством с периодом возникновения современного европейского капитализма: и в том, и в другом случае основой перемен является экспроприация — ограбление большинства меньшинством. Но далее похожесть исчезает: «если современному капиталисту характеризует страсть к накоплению капитала, то знатного римлянина времен Империи <...> отличает страсть к наслаждению» [13]. Причины этой непохожести следует искать в том, как распоряжались своими богатствами собственники двух эпох. Современный капиталист вынужден вкладывать накопленные средства в улучшение и расширение производства, «если он не хочет быть побежден на поле конкуренции» [13], где все решает более высокая производительность предприятий, их техническая оснащенность. Античному богачу эти заботы были не нужны, потому что свое участие в экономическом процессе он видел лишь в замене изношенных орудий труда на другие того же образца, а также в по-

купке скота и рабов, трудами которых держалось все хозяйство. Остальные средства «могли быть употреблены рабовладельцами на свои личные удовольствия <...>. Чем больше увеличивались избытки <...>, тем больше преимущественной социальной функцией господствующих классов становилось расточение этих избытков, тем больше разгоралось желание превзойти друг друга роскошью, блеском, праздностью <...>. Рядом с ними жили сотни тысяч свободных граждан <...>, они экономически являлись лишними людьми в обществе <...>. Античный люмпен-пролетариат <...> был совершенно не нужен и мог исчезнуть без всякой опасности для общества <...>. Он вообще не работал, да и не хотел работать. Он требовал участия в наслаждениях богатей, он добивался другого распределения не средств производства, а средств наслаждения, грабежа богатых, а не изменения способа производства» [13]. Такое общество в своем развитии не могло не зайти в тупик и в конце концов становилось лакомой добычей других народов. Больше всех при этом теряли те, кто больше имел.

Но это еще не всё. Есть еще одна причина, по которой в России «западный прецедент <...> ровно ничего не доказывает» [10]: Россия – единственная европейская страна, в которой земледельческая община сохранялась «в национальном масштабе», «как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи» [10]. При проведении экспроприации разговор в этой стране пойдет не о смене видов частной собственности, как это произошло в Европе, а «о замене капиталистической собственностью собственности коммунистической» [10] (курсив мой – А.Л.), что равносильно повороту от общественного прогресса к социальному регрессу. Иначе как объяснить тот факт, что в странах Западной Европы, где уже утвердился капитализм, народы ведут борьбу именно за то, что в России исторически сложилось естественным образом? Ведь в своих лозунгах пролетарии западных стран требуют заменить «капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность – высшей формой архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической» [10].

Если уж и вести разговор о прогрессивных переменах в жизни такой огромной земледельческой державы, как Россия, то при взгляде на ситуацию «с чисто экономической точки зрения» [10] вывод мог быть только один: изменения начинать следовало бы с оказания организационной, интеллектуальной и материальной поддержки наиболее мощной производительной силе страны. Вместо этого, вопреки экономической целесообразности, государство «за счет крестьян <...> выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производительных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению

его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь «сельской общины» [10]. То, что в России убивали «курицу, несущую золотые яйца» [10], – было ясно, как день: «средние цифры за последние десять лет показывают не только застой, но даже падение сельскохозяйственного производства <...>. Впервые в России приходится ввозить хлеб, вместо того чтобы вывозить его» [10]. Царь, правительство и либерально настроенные общественные движения просто не знают, что делать с огромной массой разоряющегося народа: «община, раздавленная вымогательствами государства, ограбленная торговцами, эксплуатируемая помещиками, подрываемая изнутри ростовщиками» [10], была постоянным укором для всего общества, так долго жившего «на счет сельской общины» [10] и пожелавшего найти без потерь для себя быстрое решение возникших проблем. Пример высокоразвитого Запада учил: «нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян» [10], чтобы оно взяло на себя бремя налогов, а остальную массу бедных земледельцев «превратить просто в пролетариев» [10], обеспечив новых и старых господ дешевой рабочей силой. Не революционеры-агитаторы, а именно «русское правительство и “новые столпы общества” делают все возможное, чтобы подготовить массы» [10] к революции-катастрофе, в то время как России нужна совсем иная революция – не ради диктатуры пролетариата, не ради передела собственности, а как экстренный способ устранения от власти тех правителей, которые бездарно руководят страной, «обескровливают и терзают общину» [10], дабы русское общество, «как только правительственные путы будут сброшены» [10], могло полноценно и целенаправленно использовать свой материальный и интеллектуальный потенциал на организацию постепенного преобразования жизни крестьян, начав «с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее нынешней основе» [10], а основой ее была коллективная собственность.

Однако Маркса не послушали и повели Россию не к «революции менеджмента», а к революции-катастрофе. Иного и быть не могло при той общей политике царизма, в том числе и фискальной, которая приобрела характер хищного вымогательства. Данные Комиссии для пересмотра системы податей и Сельскохозяйственной комиссии, проанализированные Марксом, свидетельствуют о том, что в бюджет страны «бывшие помещичьи крепостные платили из своего дохода с сельского хозяйства 198,25 %, так что им приходилось отдавать правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же отдавать из заработков, которые они получали за разные работы <...> другие» [14]. В то же время помещики-землевладельцы налогов государству не платили вовсе. Мало того, они не погашали

долги по ипотекам, которые в 1877 г. выросли до 366,5 млн руб. [14] при доходной части российского бюджета в 548 млн [14]! К началу 1878 г. в России все долги казначейству доходили уже до 470 млн руб.; из них задолженность крестьян составляла всего 6,9 % (т.е. лишь 32,5 млн) [14]. Выплачивая все возложенные на них грабительские налоги и все долги, крестьяне массово разорялись. А газеты пестрели агрессивными заявлениями «поклонников капиталистической системы» [10]: «Кто бедствует и не желает трудиться, — твердил в своих публичных выступлениях лидер крайних правых Н.Е. Марков, — тем место не на свободе, а в тюрьме, или они должны быть вовсе исторгнуты из государства, это — пропойцы или лодыри» [15]. Ему вторили и другие: «Надо уничтожить треть народа, тогда хватит земли на всех» [16]. Важно отметить, что эти речи звучали после революционных событий 1905 г., когда прозападная элита бравировала тем, что миллионы необразованных крестьян якобы даже не понимают, что с ними делают, и живут примитивной безразличной жизнью. Маркс как будто бы предвидел подобную трактовку пассивности народных масс, поэтому сделал в своих записях акцент на том, что состояние психологической фрустрации народа России на самом деле явится не следствием мужичьей тупости, а закономерным итогом безнравственной политики властей: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям» [10]. Это — «тихий» протест, который означает, что мужичье настроение «Земли и воли!» не утихло. «Брожение» ушло вглубь, новый взрыв неизбежен. Но воевать теперь крестьяне будут «с умом»: «Которые дымократы, мужички, значит, начнем бить белократов — вас, господ. Всю землю начисто отберем и платить ничего не будем» [16].

Маркс доказывал, что именно так и обернется дело, если не сменить безнравственную власть, но был вынужден констатировать: «Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов» [10]. Лишь позже — правда, уже постфактум, после революции-катастрофы, находясь в эмиграции, — они вынуждены были признать то, что разрушение русской общины, этого особого мироустройства, пагубно отразилось на судьбе не только страны, но и их личной судьбе. Выводы эмигрантов-реформаторов, похожие на запоздалое прозрение и покаяние, подводят черту под их попытками грубо вмешаться в исторический процесс без понимания того, что «общество не делается и не учреждается людьми, а творится наподобие органических существ, произрастая из прошлого» [17], что «государство не может по щучьему велению перестраиваться по любому трафарету, по

любой теоретической схеме» [18], что «революции <...> с безумной мечтой начать жизнь сначала <...> караются либо смертью общества, либо изобличением своего бессилия и своей лжи» [17].

Если бы эти мысли своевременно посетили реформаторов-либералов конца XIX — начала XX вв., то, может быть, Россия действительно не упустила бы данный ей историей уникальный шанс. Что же касается либеральных реформаторов нашего времени, то они повели Россию по тому же пути, что и либералы XIX века, считая, что в провале демократических рыночных преобразований начала XX столетия виновны большевики с их человеконенавистнической марксистской идеологией. Но кого теперь обвинить в том, что идея «народного капитализма» так и осталась просто идеей? Утверждения некоторых либералов-прагматиков о том, что часть населения все еще живет советскими стереотипами и потому не может приспособиться к условиям рыночной конкуренции, выглядят методологически несостоятельными, поскольку в число «неприспособленных» попадает приблизительно одна треть трудоспособного населения страны с индустриальной структурой производства. Если критически осмыслить уроки истории, то когда вследствие либеральных реформ царского правительства была экспроприрована одна треть общинной собственности, и 3 млн крестьянских семей оказались обезземеленными и лишенными средств к существованию (большевики еще не были у власти!), то итогом этого стали революционные события 1917 г. А когда в России одна треть населения оказалась за чертой бедности и августовским дефолтом 1998 г. началась вторая волна экспроприации, то Б.Н. Ельцин был просто вынужден «добровольно» уйти в отставку. От греха подальше.

Этот уход положил начало рождению новой идеологии. Она еще не получила четкого, подобного политической программе, оформления. Однако главным элементом этой идеологии, безусловно, является стремление государственной власти стабилизировать социальную систему, чтобы предотвратить повторение катастрофических сценариев прошлого — естественно, с поправкой на технико-экономические реалии нашего времени. Малейшее нарушение существующего хрупкого равновесия общественных сил в пользу либералов-прагматиков может привести страну к социальному взрыву наподобие весны 1917 г.; и напротив — любые уступки власти требованиям экспроприированного большинства чреваты повторением репрессий 1937 г. Таким образом, современную идеологию в первом приближении можно охарактеризовать как стратегию сбережения общества. Будет ли она идеологией действительного возрождения России — время покажет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Человек и агрессия (круглый стол) // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С. 92–105.
2. Ясин Е. О пользе сомнения // Знамя. — 1994. — № 9. — С. 171–174.
3. Бакланов Г. Где пышнее пироги // Знамя. — 1994. — № 9. — С. 184–185.
4. Пияшева Л. Проигранный шанс // Знамя. — 1994. — № 9. — С. 154–170.
5. Изгоев А. Русское общество и революция. — М.: Русская мысль, 1910. — 275 с.
6. Ленин В. Несколько замечаний по поводу «ответа» Маслова // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. — Т. 17. — С. 256–270.
7. Ленин В. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. — Т. 17. — С. 57–137.
8. Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1875 — май 1883) // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 597–626.
9. Бурмакин Э. Последний утопист // Сибирские Афины. — 1990. — № 1 (апрель). — С. 8–9.
10. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. — Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 400–421.
11. Маркс К. Письмо в редакцию журнала «Отечественные записки» // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. — Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 116–121.
12. Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 250–251.
13. Каутский К. Происхождение христианства. — М.: Политиздат, 1990. — 463 с.
14. Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 422–441.
15. Государственная Дума. Третий созыв: Стенографический отчет. Сессия вторая. Часть 1. — СПб., 1908. — 154 с.
16. Меньшиков М. Крестьяне и Дума // Новое время. — 1908. — 21 июня, 2 сентября.
17. Франк С. Религиозные основы общественности // Путь. — 1925. — № 1. — С. 14–29.
18. Петрункевич И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. — 1934. — Т. 21. — 411 с.